

Осенний ветерок дул не слишком медленно и не слишком быстро, принося аромат сада, и занавески качались на ветру небрежно и лихо.

Ангел Цюй Яцзун наслаждался бризом, и звук кончика кисти Бай Лисиня, трущейся о бумагу, был в его ушах, как будто небо и земля заснули, необычайно тихо и мирно.

Он не мог не закрыть глаза. Все его тело и разум расслабились. Даже его дыхание успокоилось до мурашек.

Через некоторое время молодой человек убрал кисть.

Цюй Яцзун услышал, как мальчик мягко дует на картину, и искренне улыбнулся, медленно открывая глаза.

Он видел начало картины юноши и был к ней готов, но когда он увидел законченную картину, какое-то изумление все же охватило его сердце.

На рисунке молодого человека была изображена танцующая балерина.

Ее руки были естественно вытянуты, одна рука поднята, другая ровная. Ее длинные тонкие руки были похожи на две красивые ленты, бескостные и мягкие. Ее ноги были длинными и прямыми, одна ступня упиралась в землю, а другая была поднята высоко за спиной в поднимающемся и парящем движении.

Женщина расслаблена и улыбается, смотрит прямо перед собой, гордая и уверенная, словно она прекрасный лебедь.

Вся картина не была украшена красками; танцовщица одета в серый танцевальный костюм с перьями, и вся картина серая, за исключением танцевальных туфель, которые молодой человек выделел красной краской.

Этот красный акцент мгновенно привлек внимание Цюй Яцзуна к туфлям балерины. Он думал, что это просто пара красных танцевальных туфель, но когда он присмотрелся еще раз, то обнаружил, что на самом деле это были белые танцевальные туфли, запачканные кровью.

Цюй Яцзун был тронут картиной. Он чувствовал уверенность и гордость балерины в выражении лица женщины, а также настойчивость и терпение женщины в красных танцевальных туфлях.

Идеальное отображение лица и формы балерины происходит от постоянной практики вставать и танцевать, таким образом изнашивая ее ноги. Но даже несмотря на то, что ее ноги были в крови, она все равно танцевала, сохраняя свое достоинство улыбкой и безупречными танцевальными движениями, достоинством, которое танцовщица хранит для себя и не может

поколебаться другими.

Цюй Яцзун прикрыл свою грудь, которая дико билась, глубоко тронутый этой картиной.

Подросток хорошо контролировал пропорции всей картины. Как правило, обучение рисованию начинается с набросков, а затем подбора цветов и отображения настроения.

Но он только сказал юноше, на что обратить внимание и на происхождение картины, и он смог создать такую работу. Он настоящий гений!

Дыхание Цюй Яцзуна участилось, и в его глазах отразилось удовлетворение, когда он взволнованно сказал: «Маленький Цин, ты действительно впервые учишься рисовать? Ты раньше учился рисовать у своего брата?»

Сила, проявленная молодым человеком, была высотой, которую многие художники не смогли бы достичь при жизни.

Бай Лисинь наклонил голову и без паузы сказал: «Нет, я слишком активен. В отличие от моего брата, который любит помолчать, если бы я сидел неподвижно перед чертежной доской, как только что, это было бы хуже, чем убить меня. Это даже до сих пор неудобно».

«Сяо Цин, ты гений».

Цюй Яцзун не мог не прижать руку Бай Лисиня к своему лицу. Он осмотрел эти тонкие, могучие руки и с любовью сказал: «Боюсь, ты и сам не представляешь, насколько выдающимися будут картины, которые будут созданы этими руками. Су Цин, ты будешь восходящей звездой в мире живописи.»

Бай Лисинь улыбнулся и бесследно отдернул руку: «Я не войду в мир живописи. Я учусь рисовать, чтобы больше узнать о море облаков. Моя мечта - танцевать. Я хочу стать танцором мирового уровня.»

Цюй Яцзун улыбнулся, но экстаз в его глазах постепенно остыл. Он посмотрел на работу, которую только что закончил Бай Лисинь, а затем на решительное выражение лица подростка и с сожалением сказал: «В таком случае я уважаю твой выбор».

Он не хотел заставлять подростка. Даже если бы он был гением живописи, но не любил ее, то весь этот талант был бы ему просто в тягость.

Когда он услышал, что Цюй Яцзун не будет его заставлять, сердце Бай Лисиня обрадовалось. Хотя у ангела Цюй Яцзуна была сумасшедшая одержимость живописью, он все же думал о его чувствах. Конечно же, любимое дело Цюй Яцзуна по-прежнему он сам, а не рисование!

Было уже поздно, а на следующий день у Бай Лисиня было занятие, поэтому он не мог дольше оставаться в студии. Они оба вернулись в свои комнаты, чтобы отдохнуть, сожалея, но не в силах показать это на лицах.

С того дня Бай Лисинь взял за привычку ходить в студию, чтобы увидеть Цюй Яцзуна, как только уроки заканчивались.

Позже они вдвоем ездили в школу и обратно на машине, и ангел Цюй Яцзун ни разу не упомянул о том, чтобы позволить Бай Лисиню вернуться в дом Су.

Время пролетело в мгновение ока. Эти двое почувствовали, что в мгновение ока прошло больше месяца, и пришло время Бай Лисиню снять гипс.

Сегодня был день, когда демон Цюй Яцзун забирал тело, и когда он услышал, что Бай Лисиню собираются снять гипс, он поднял его, не говоря ни слова, и сопроводил в больницу.

Бай Лисинь был очень взволнован. Он продолжал дергать демона за рукав, смеясь и говоря, что он сможет танцевать брейк-данс, уличный танец и даже фолк и чечетку после того, как ему снимут гипс.

Цюй Яцзун почувствовал тепло в своем теле, когда почувствовал смех, исходящий от мальчика.

Он сузил глаза и ненавязчиво провел рукой по худой талии мальчика, дергая его за рукав. Через несколько мгновений прикосновения лицо демона застыло, и он небрежно подтянул ногу, чтобы прикрыть невыразимую нижнюю часть живота, и продолжал улыбаться, как ни в чем не бывало, слушая видение подростка о будущем.

Пока машина медленно ехала по асфальту, демон Цюй Яцзун сделал два глубоких вдоха и крепче сжал ноги.

В тот момент, когда машина остановилась у входа в больницу, Бай Лисинь отпустил руку Цюя и, словно порхающая птица, резко шагнул вперед на костылях.

Цюй Яцзун неловко улыбнулся: «Ты иди первым и жди меня. Я позвоню по телефону и приду».

Бай Лисинь кивнул и повернулся, чтобы пойти в сторону больницы.

В тот момент, когда он обернулся, Бай Лисинь бесследно взглянул между ног мужчины и рассмеялся в своем сердце: «Извращенец, у него не должно быть течки, не так ли?»

Он напевал что-то про себя, неторопливо опираясь на костыли в сторону больницы.

В его голове раздался голос S419m: [Хозяин, не пора ли использовать точки измерения для лечения ю ноги?]

Бай Лисинь дважды фыркнул и сказал: «Нет, еще не время. Раз она сломана, пусть пока остается сломанной.»

[Да, Господин Хозяин, все в вашем распоряжении.] Ответив, S419m сделал паузу на мгновение и добавил: [Господин Хозяин, я должен сказать вам еще кое-что.]

В это время Бай Лисинь уже подошел к входу в больницу, и как только он встал у входа, дверь с электронным датчиком открылась.

Когда он вошел внутрь, Бай Лисинь сказал: [Говори.]

[Теперь я чувствую колебание фрагмента души Господа Бога.]

Поднятая нога Бай Лисиня сделала небольшую паузу и снова естественно опустилась: [Ты почувствовал это? Разве нет границы, обернутой вокруг осколка души Господа Бога? Как ты мог это почувствовать?]

[Граница треснула, и я пока не знаю причины этого, но я тайно просканировал душу Цюй Яцзуна и обнаружил, что из обеих его душ вытекает слабая аура души Господа Бога. Похоже, ваши предыдущие догадки были верны. Обе души г-на Цюй Яцзуна являются фрагментами души Господа Бога. Мало того, я обнаружил, что эти две души постепенно сливаются в одну.]

Тело Бай Лисиня остановилось, [Сливаются?]

[На самом деле, хотя в Цюй Яцзуне есть две души, они обе являются душами Господа Бога и изначально были одним целым, поэтому слияние вполне естественно. Но поскольку атрибуты этих двух фрагментов души расходятся, эти две души были несовместимы друг с другом, когда мы впервые прибыли.]

[Они были как две параллельные линии, которые никогда не пересекались. Но после контакта с вами эти две души начали сливаться, только скорость их слияния слишком мала. Я думаю, если бы это были вы, Господин Хозяин, вы бы определенно смогли объединить эти две души в одну.]

[А как насчет воспоминаний Цюй Яцзуна после слияния в одно?] Бай Лисинь спросил: [И как мне заставить их слиться?]

S419m ответил: [Теоретически, воспоминания должны быть разделены, но душа Господа Бога не является чем-то, о чем разум вроде меня может догадаться, и мы не узнаем, какой она будет, пока она не сольется. Я могу только рассказать вам свои наблюдения и догадки о том,

как произошло слияние.]

[Первый раз, когда эти две души начали сливаться, была ночь, когда они занимались с вами любовью, а во второй раз они слились, когда узнали, что Чжао Юньхай изменяет вам с Су Жоу. Я думаю, что они слились, потому что у них общая точка восприятия, либо ненормальная привязанность к чему-то или кому-то, либо сильная антипатия к чему-то или кому-то.]

Бай Лисинь закатил глаза; предыдущее предложение не должно было быть сказано. Это было все равно, что спросить эксперта по погоде: «Это холодная или теплая зима в этом году?» только для того, чтобы эксперт вернулся и сказал: «Мы не узнаем, холодная это зима или теплая, пока не закончится этот год».

Но он обратил внимание на вторую часть заявления S419M. Он подумал о своей ноге, с которой вот-вот снимут гипс, и о Чжао Юньхае и Су Жоу, которые были далеко, и придумал план.

Раз вы, ребята, так хорошо проводите время за границей, почему бы вам не сделать что-нибудь, что поможет моему Цюй Яцзуну?

Он все еще думал о том, как пробудить общие чувства демона и ангела Цюй Яцзуна, когда вдруг что-то почувствовал на своем плече. Он повернул голову, чтобы посмотреть рядом с собой. Это был Цюй Яцзун.

Он переоделся в машине, сняв черный пиджак и сменив его на легкий плащ.

Плащ едва прикрывал нижнюю часть живота Цюй Яцзуна, и когда Бай Лисинь провел взгляд уголком глаза, он мог лишь смутно увидеть небольшую выпуклость, но она не была очевидной.

Бай Лисинь ухмыльнулся и поспешно отвернулся.

Цюй Яцзун не подозревал его, поэтому он взял Бай Лисиня и пошел к врачу.

Поскольку он уже договорился о встрече, Бай Лисинь прибыл как раз к своей очереди, и им не пришлось ждать.

Это была не сложная процедура. Врач использовал гипсовый нож, чтобы аккуратно вырезать отверстие, после разрезал гипс пополам, а затем осторожно снял его.

Бай Лисинь попытался пошевелить лодыжкой, но не почувствовал боли и, казалось, поправился.

Он улыбнулся, медленно встал с кровати и сделал неуверенный шаг вперед.

Но как только он это сделал, все его лицо изменилось.

Лицо Бай Лисиня резко изменилось, и он сделал еще несколько шагов вперед, спотыкаясь и чуть не падая на землю. Он держался за стену, тяжело дыша и недоверчиво глядя себе под ноги.

Цюй Яцзун разозлился, когда увидел это. Он сделал два шага к Бай Лисиню и, обняв его, спросил доктора холодным голосом: «Что здесь происходит?»

Доктор почувствовал, как его волосы встали дыбом. Он вздрогнул и сказал: «Его левая пятка была деформирована после того, как он сломал ногу. Хотя мы сделали операцию вовремя, все еще были последствия, и она не была полностью восстановлена... Я уже сказал об этом его семье в то время».

Бай Лисинь уткнулся головой в руки Цюй Яцзуна и в отчаянии закричал: «Вы хотите сказать, что теперь я буду калекой, доктор?»

Затем он сжал всю свою голову в объятиях Цюй Яцзуна. Он дрожал и заставлял себя не смеяться.

Эх, жизнь как драма, все зависит от актерской игры.

Цюй Яцзун холодно посмотрел на доктора и сказал: «Его семья? Какая семья?»

«Брат, который выглядит точно так же, как он, и человек, который пришел с ним».

Доктор был так напуган Цюй Яцзуном, что поспешно ответил, сказав все, что мог.

Сердце Цюй Яцзуна наполнилось гневом.

Су Жоу и Чжао Юньхай, вы с самого начала знали, что нога Су Цина не восстановится, но все же оставили его здесь, чтобы повеселиться.

Если бы он какое-то время не присматривал за мальчиком, пришел бы подросток один, когда пришло время снимать гипс?

Если бы он узнал об этом в одиночестве, сколько отчаяния пришлось бы ему пережить после такого удара, учитывая его любовь к танцам?

<http://bllate.org/book/15650/1399562>